

Виталий Воронин

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

СЕЗОН

18+

Виталий Викторович Воронин

Сезон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36178234

SelfPub; 2019

Аннотация

Этих людей называют по-разному. Кто-то назовет их поисковиками, кто-то черными археологами, кто-то копателями. Объединяет их одно – страсть к приключениям и раскопкам. Каждую весну они отправляются в поля и леса, чтобы разыскивать останки погибших воинов, военные реликвии или клады. «Сезон» на их языке – это время поисковых работ, которое длится обычно с начала апреля и до глубокой осени. Начав однажды невозможно остановиться, и это накладывает свой отпечаток на каждого копателя. Главный герой в поисках своего клада попадает в невероятные ситуации. Чем они обернутся, читатель узнает из этой книги. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Книга первая	4
Глава 1. Один в лесу	4
Глава 2. Один в городе	27
Глава 3. Вахта	45
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Книга первая

Глава 1. Один в лесу

Глубокий овраг, заросший развесистой крапивой, петляет среди редколесья осин и сгнивших стволов берез. На его дне чуть слышно журчит ручей, пытаюсь пробиться куда-то к далекой реке.

Сырая глина чавкает под ногами и виснет на ботинках огромными липкими комьями, оторвать которые нет никакой возможности. Выползаю наверх почти на четвереньках, и валюсь возле упавшего ствола дерева. Все! Я на месте. Десять километров по болотам и лесу пройдено. Навигатор пискнул последний раз, указав точку назначения.

Место надо сказать здесь мрачное. То тут, то там виднеются заросшие папоротником брустверы оплывших траншей и одиночных ячеек. На дне ям и обвалившихся блиндажей поблескивает черная болотная жижа. Осенью 1942 года тут был немецкий опорный пункт. Болото здесь повсюду. Где-то оно переходит в топь, подернутую обманчивыми кочками, покрытыми ярко-зеленой травкой, а где-то теряется среди длинных березовых корней, разбросавших свои щупальца во все стороны. Из-под них проглядывают остовы проржавевших железных бочек. Сейчас это место моего поиска во-

енных трофеев.

Туча комаров звенящим хороводом впивается во все открытые участки вспотевшего тела. Выбившись из сил, лежу, закрыв глаза несколько секунд, но тут же срываюсь с места, ощутив, как наливаются обжигающие волдыри от укусов на лице и шее.

Быстро сбрасываю с себя промокшую насквозь от пота камуфляжную куртку и, достав из рюкзака штормовку, надеваю ее через голову, застегнув молнию москитной сетки капюшона. Эскадрилья комаров отступает, но продолжает висеть в воздухе перед лицом, обиженно попискивая, пытаюсь безуспешно добраться до меня.

Теперь можно осмотреться. Отвязываю от рюкзака самозарядный карабин «Сайга», пристегнув к нему автоматный магазин, медленно обхожу окрестности. На глаза попадают старые следы кабана, ведущие в овраг к ручью. Свежих следов нет, и это радует. По крайней мере, есть шанс, что ночью свиньи не будут шариться вокруг палатки. Ну а для агрессивного «хрюшки» найдется 30 патронов в магазине. Успокоение хотя и слабое, но другого средства нет, когда ты один. Поэтому с карабином больше не расстаюсь и, закинув его за спину, принимаюсь ставить палатку.

Выбираю место возле корневища огромной поваленной сосны, чтобы палатка задней стенкой упиралась в него. Закончив с тентом, укладываю вокруг друг на друга несколько сухих еловых валежин с торчащими сучьями. Накрываю

куском маскировочной сети это подобие живой изгороди и все сооружение, предварительно натывав туда листья папоротника. Оглядев свое пристанище, убеждаюсь, что не зря я тащил сеть.

Солнце еще не село, есть время копать, только сил больше нет. Марш по болотам окончательно меня измотал. Двадцать килограммов поклажи в рюкзаке, карабин, металлоискатель с лопатой это вам не шутки. Поэтому манящие неизвестностью блиндажи и траншеи оставим на завтра, а сегодня спать.

Сбрасываю с себя ботинки и блаженно растягиваюсь в палатке на спальном мешке. В голове проносится мысль, что надо бы набить ботинки сухой травой и газетами для просушки, но измученное тело возражает против любого движения.

Костер разжигать тоже нельзя, ибо нет желания знакомиться с местным егерем, который увидит дым за десять километров и без всякого навигатора найдет это место. Всегда поражаюсь выносливости и знанию местности старых егерей. Хотя ничего удивительного здесь нет, это их работа.

Мои раздумья прерывает скрип, и шелест падающего дерева, а затем слышится такой удар, будто великан огромной дубиной хлопнул по земле. Это ветер повалил сухое дерево. Лениво высовываю голову из палатки, чтобы рассмотреть, куда оно упало. Переломленный пополам ствол осины лежит в двадцати метрах от меня. Хотя палатка стоит вдали от него, под ложечкой скользит привычный страх: «Вот грохнется на

тебя дерево и привет. Одному не выйти отсюда».

Этот страх леса мне хорошо знаком. Он всегда приползает вечером в одиночных походах, имея много имен. Например, его могут звать «большое сухое дерево, падающее тебе на голову» или «злобный зверь, нападающий на тебя». Существует еще много разновидностей мелких страхов. Например «змея» или «ногу подвернул». Но самый страшный страх это «плохой человек, который хочет тебя убить».

Особняком стоит такой подсознательный страх, как «менты, егеря и прочие представители карающей власти». Впрочем, этот страх присутствует у всех даже в городе. А уж в лесу одинокий путник вдвойне подвержен ему.

Здесь можно ожидать любых неприятностей, начиная от «предъявите охотничий билет» до «здесь костры жечь запрещено», или «что это у вас в рюкзаке?».

Мой метод борьбы с этими страхами – постоянное внимание. Чем дольше ты находишься в лесу один, тем острее становится твой глаз и слух.

Пройдет несколько дней, и вот ты уже различаешь звуки леса, не пугаешься каждого куста, а спокойно спишь ночью, слыша все вокруг. При этом моментально реагируешь на нехарактерные для леса шумы и запахи. Походка становится быстрой, но осторожной, двигаешься уже почти без шума, не наступая на ветки, ловко обходя бурелом и поваленные деревья.

Впрочем, сам уже понимаешь, что увидев свежие кабаньи

следы, лучше как следует пошуметь и похрустеть ветками, чем потом отстреливаться, столкнувшись, нос к носу с милыми животными. У тебя появляется почти одна и та же цель что у всякой живности вокруг. Эта цель – быть как можно незаметнее и никому не мешать. Поэтому, едва не наступив на змею, уже не рубишь ее лопатой с отвращением, а даешь уползти под пень. Ведь она тоже не хочет тебе мешать. А то, что скалится ядовитым зубом, так ведь ты тоже по лесу с карабином ходишь.

Размышляя, таким образом, я решил поужинать, потому что вовремя покушать тоже хорошее средство от страхов.

По крыше палатки сыпанул дождь, лес зашумел от ветра. Быстро стемнело, но костер я решил не разводить, а ограничился газовой горелкой. Брикет лапши весело забулькал в котелке с водой, поставленном на огонь. Туда же были отправлены мелко нарезанные кусочки сала, копченой колбасы и лука. Лапша разбухла, приняв свой «благородный» вид. По крайней мере, теперь ее можно есть. Капля подсолнечного масла и щепоть соли довершили дело. Нехитрый суп был готов. По палатке стали проноситься ароматы копченостей.

Дождь прекратился, ветер разогнал облака, а лес озарился мертвенным лунным светом, который придавал причудливые очертания кустам и деревьям.

Я откинул полог платки, оставив только москитную сетку, уселся у входа, сложив, ноги по-турецки и предался размышлениям, прихлебывая обжигающий бульон.

Планов как всегда у меня было громадье. Пробираясь к заброшенному урочищу, я рассчитывал на то, что оно еще неизвестно нашему брату – копателю и богато на находки. Однако свежие комья вывороченной земли вокруг траншей и блиндажей убили всякую надежду первооткрывателя. Кто-то здесь уже основательно прошелся. То тут, то там виднеются разбросанные куски ржавого железа, обломки касок, пулеметных дисков, жестяных банок и бог еще знает чего. От такой картины сразу хочется махнуть на все рукой и уйти. Но по своему опыту я знал, что большое количество хлама часто скрывает интересные артефакты. Надо только не лениться этот хлам разгрести. В общем, завтра предстоял нелегкий день. Нужно было выспаться.

Сон свалил меня сразу без предисловий. В голове еще вяло трепыхалась мысль: «надо бы сухого валежника перед входом набросать». Но тело уже повалилось на спальный мешок, приняв позу эмбриона в обнимку с «Сайгой».

Приснился почему-то вчерашний пропитый деревенский дедок, во дворе, у которого за бутылку водки я оставил свой джип.

– Ладно, присмотрю за машиной, – хитро шурился он сквозь беломорный дым, бережно придерживая в кармане драного брезентового плаща поллитру, переданную мной.

– А ты рыбак чего без удочек то?

– Так они у меня складные в чехле, – кивнул я на футляр с «Сайгой».

– А, ну да, – ухмыльнулся он, почесывая заросший седой щетиной, подбородок, – у нас места тут рыбные. Много таких приезжает. Без удочек, но с лопатами, етить-колотить.

– Заложит участковому, как пить дать, старая сволочь! – кольнуло предчувствие, – хотя какой он старый, лет шестьдесят с хвостиком. Просто алкоголик, выращенный на местном пойле. Надо будет на обратном пути подстраховаться и сразу с хабаром сюда не возвращаться.

Лицо дедка стало расплываться и, завертевшись, пропало, оставив после себя неприятные воспоминания.

Разбудил меня птичий гомон. Солнце пробивается сквозь полог. На часах 6.00. Ну что же пора вставать. Тело противится любым движениям и злорадно болит всеми мышцами, напоминая о вчерашних издевательствах над ним. Ничего, сейчас мы это поправим.

Выползаю из палатки нагишом и скачками спускаюсь в овраг к ручью. Быстро набрав полный котелок ледяной воды, окатываю себя.

– Б-р-р-р!

Сердце подпрыгивает к горлу. Хорошо!!!

Обливаюсь еще и еще, пока комары не опомнились от такой наглости. Пулей влетаю в палатку, растираюсь полотенцем, и вот уже кружка кофе дымится на газовой горелке.

Люблю я такие моменты. Кофе, солнечное утро, хорошее самочувствие. Металлоискатель и лопата зовут, а лес манит таинственными находками. Как правило, все заканчивается

куда прозаичнее. Полный раскоп воды, пот, грязь, а из находок только неразорвавшиеся снаряды да консервные банки. Но надежда всегда присутствует, на том стоим.

Пластиковая катушка металлоискателя черным блином скользит среди травы, постоянно цепляясь за корни и дудки лопухов. Гул в наушниках срывается на резкий высокий писк, который тут же обрывается. Это мелкие снарядные и минные осколки дают о себе знать. Вот старое кострище в яме, вокруг которой в непринужденных позах раскиданы немецкие хвостатые минометные мины. Некоторые еще сохранили остатки охристого окраса, проступающего сквозь ржавчину. На головных взрывателях свежие следы плоскогубцев. Явно мои предшественники пытались их вывинтить, а когда не удалось, просто сложили в горящий костер. Некоторые взорвались, а некоторые разбросало по лесу. Эти самые опасные. От тряски при взрыве они могли встать на боевой взвод. Осторожно обхожу их стороной, стараясь не задеть.

Зимой 1942 года на этот холм наступали две роты нашей пехоты. Упоминание этого боя уложилось всего в одно предложение донесения из журнала боевых действий батальона, выуженного мной в интернете.

У стенки обвалившегося окопа, под корневищем березы, прибор подает непонятный сигнал то басовитый, то писклявый. Аккуратно вырубая корни вокруг, и на ладонь выпадают комья земли вместе с продолговатым предметом. Немец-

кая яйцеобразная граната «М 39» не бог весть, какая находка, но в качестве макета сойдет. Она и правда напоминает ржавое яйцо с поперечным пояском посередине и предохранительным колпачком сверху.

Обтираю ее от земли и аккуратно поддев кончиком ножа, отделяю запал от корпуса, из которого высыпаются остатки взрывчатки. Подрезав ножом верхнюю часть детонатора, отламываю его, вытаскиваю сам детонатор и забрасываю в кусты. Все, макет готов. Пустой гранатный корпус с колпачком отправляется в рюкзак.

Оплывшая траншея, выющаяся среди деревьев по гребню холма, завалена грудями стреляных гильз и изрыта моими предшественниками. Однако меня это нисколько не огорчило. Все их покапушки не глубже штыка лопаты, а значит серьезно здесь никто не копал.

Внимание привлекло небольшое возвышение, поросшее молодым березняком. По сгнившему торцу бревна, торчащему из земли, можно предположить, что здесь был блиндаж, в котором немцы укрывались от воздушных налетов и артиллерийских обстрелов. Потыкав щупом землю, я убедился, что внизу бревенчатые накаты, под которыми пустота. Надо было браться за самую тяжелую, неблагодарную работу.

Теоретически это довольно просто. Нужно освободить от земли верхние накаты, затем раздвинуть их и проникнуть в блиндаж через крышу. На деле в одиночку справиться с этой работой очень трудно. Поэтому я, не спеша, стараясь беречь

силы, очистил от грунта верхний настил и выдернул из него самое тонкое трухлявое бревно. Затем принялся раздвигать следующий накат, засовывая между бревнами лопату и раскачивая ее. Через три часа я был весь мокрый от пота, но в крыше блиндажа образовалась щель, в которую мог пролезть человек.

Из темноты дохнуло могильным холодом. Я с опаской стал протискиваться внутрь, вооружившись короткой саперной лопаткой и налобным фонариком. Здесь можно было едва стоять на четвереньках, подпирая спиной бревна, однако мягкая земля позволила быстро расширить пространство вокруг.

В свете фонарика мелькнули обшитые досками стены и деревянная полочка под самым потолком, на которой лежало что-то длинное. Немецкий штык в ножнах на кожаном подвесе, покрытом плесенью. С гулко бьющимся сердцем, я схватил его и принялся разглядывать.

Ножны оказались слегка заржавлены, но бакелитовые¹ щечки рукоятки выглядели как новые. С трудом выдернув клинок, я с удовольствием отметил, что он почти не требует чистки. Найти штык в такой сохранности – редкая удача.

От радостных мыслей отвлек скрип сверху. Из-под гнилого свода на голову посыпалась земля, а бревна издали легкий треск, проседая вниз и раскачивая свисающие между ними тонкие корни. Видимо расширяя себе место в блиндаже, я

¹ «Бакелит» – вид пластика.

перестарался, лишив трухлявый накат земляной опоры. Теперь он мог рухнуть в любой момент, погребая меня заживо под собственной тяжестью. На секунду к горлу подступила волна ужаса, от которого бросило в холодный пот.

Я резко вскочил и, высунувшись в щель между бревен, схватился за край гнилого наката. Сзади раздался треск. Бешено работая руками, я подпрыгнул и выкатился из блиндажа наружу. В ту же секунду перекрытие, устало вздохнув, с гулким хрустом просело вниз.

Сердце трепыхалось где-то между ребер. Сидя на земле, я тяжело дышал, сжимая в одной руке штык-нож, а в другой саперную лопатку. Фонарик, слетевший с головы, валялся рядом, беспомощно мигая бледным светом.

Поднявшись на дрожащих ногах, я подошел к блиндажу и увидел довольно глубокий провал, из которого торчали в разные стороны, обломки трухлявых бревен. Теперь, чтобы пробраться внутрь, придется выкорчевывать их из ямы. Одному это было точно не под силу. Я решил больше не испытывать судьбу, и спустившись с холма, двинулся среди больших деревьев, которые постепенно сменились редколесьем, выходящим на заброшенную вырубку.

Иногда то, что видишь своими глазами на местах боев, разительно отличается от всей мемуарной беллетристики, независимо от национальности автора. Например, написано в мемуарах «Полк вел ожесточенный бой с наступавшим численно превосходящим противником на заранее подго-

товленных позициях, после чего отошел». На деле выясняется, что позиции действительно присутствуют, траншеи в полный рост. Только ни одной стреляной гильзы в них нет. Значит, из этих траншей не стреляли, а сразу драпанули. Или наоборот, место изрыто траншеями, перепахано снарядами, а в мемуарах и донесениях об этом ни строчки.

Видимо на такое место я наткнулся на старой вырубке. Под ногами путались обрывки колючей проволоки. Прибор звенел, не переставая, подавал сигналы на железо и на цветной металл, но копать здесь было невозможно. Невозможно было даже продраться через эти заросли без риска поломать ноги среди замшелых поваленных сосен, пней и стоящего стеной ивняка.

Поерзав некоторое время в безнадежных попытках я, чертыхаясь, буквально вывалился на ровное место в духоту леса. Солнце стояло в зените, тучи комаров снова висели надо мной, а одежда насквозь пропиталась потом.

Я отстегнул от пояса флягу, откинул с лица капюшон с сеткой и щедро окатил голову водой. Стало немного легче. Холодные струйки побежали за шиворот между лопатками. Хорошо, когда рядом ручей, можно не экономить воду.

Присев на поваленный сосновый ствол, и жуя бутерброд, я начал прикидывать, как подобраться к этому проклятому ивняку. Сразу стало понятно, что одному здесь не справиться. Для полноценных раскопок нужно хотя бы место расчистить, вырезать бензопилой кусты и поваленные трухлявые

деревья. Но стоит ли овчинка выделки?

Захваченный этой идеей, я решил обойти заросли по краю, проверяя местность металлоискателем, где возможно. Сразу прибор выдал мощный сигнал. На дисплее глубина около метра. Нет, глубоко, сейчас его копать нет времени. Надо постараться определить по верховым предметам, что здесь происходило. То тут, то там из-под лопаты выскакивают ржавые советские винтовочные гильзы. Дата выпуска на донцах у всех до 1942 года, значит уже теплее. Рядом попадает хвост от немецкой минометной мины, затем еще один.

Неожиданно мощный и четкий сигнал в небольшом углублении, заставляет вздрогнуть. Вбиваю лопату в землю вокруг центра сигнала, стараясь поддеть и вырубить корни. Лезвие чиркает по металлу и соскальзывает. Из-под сорванного дерна проступают очертания округлого купола.

Сердце разом подпрыгивает куда-то к гландам.

– Неужели халхинголка в сохране²?! – мелькает призрачная надежда найти редкую каску образца 1936 года.

Встав на колени, аккуратно обкапываю вокруг, но надежда также быстро тает, как и появилась. Обычный ржавый советский шлем СШ 40, с шестью клепками. Разочарованно поддеваю его за козырек лопатой, и...

– О, черт!!!

Из-под шлема на меня с укором глядят забитые землей, глазницы почерневшего человеческого черепа. Обрывки ис-

² «Халхинголка» – советский шлем СШ 36. «Сохран» – хорошая сохранность.

тлевшего брезентового ремешка с пряжкой, торчат из земли рядом с нижней челюстью.

Дрожащими руками, достаю из кармана плоскую фляжку и делаю глубокий глоток. От теплого коньяка завтрак пытается выскочить наружу, но зато возвращается способность соображать. Вот оно значит как. Первый раз мне попался боец за всю пятилетнюю копательскую деятельность.

В голове лихорадочно роятся мысли: «Придется его теперь выкапывать. Не бросать – же здесь. Кости передам знакомым «красным»³ пусть к 9 мая себе отчетность делают. Главное сейчас – не пропустить медальон, если он есть, конечно».

Осторожно начинаю срезать дерн вокруг черепа, до тех пор, пока не открываются шейные позвонки. Теперь ясно положение тела, и можно раскапывать в этом направлении.

К вечеру скелет аккуратно обкопан со всех сторон. Сгнившие остатки шинельного сукна, ремня и валенок свалены на краю неглубокого шурфа и перетряхнуты самым тщательным образом. Несколько обойм с винтовочными патронами, латунные пуговицы и котелок сложены в каску. Медальона нет. Ну что – же, значит, одним безымянным бойцом стало больше.

Я устало разогнулся, оглядев результаты своей работы.
– Завтра докопаю, – слышался чей-то хриплый голос.
Матерь божья! Это я собственный голос не узнал! За два дня

³ «Красные» – официальные поисковые отряды.

в лесу от своего голоса успел отвыкнуть.

В лагере меня ждали свежие следы кабана вокруг палатки. Хрюша изрыл землю перед входом, однако внутрь не полез.

– Наверное, запаха свиного сала испугался, – тихо гоготнул я про себя, но «Сайгу» с предохранителя снял и решил, что завтра рюкзак с едой подвешу на дерево.

Наскоро умывшись из ручья, я принялся наращивать живую изгородь вокруг своего пристанища. Еще не хватало, чтобы ночью ко мне всякая живность ломилась. Накидав, сухих ветвей валежника друг на друга, я натянул между деревьями рыболовную леску и подвесил на нее несколько консервных банок, найденных тут – же в старом кострище. Внутри банок положил мелкие камешки, чтобы от ветра они не звенели. Примитивная сигнализация только другой все равно нет.

После ужина и стакана водки, более тщательно осмотрел найденные с бойцом предметы. Пули из патронов я выломал, а комочки пороха раскидал по живой изгороди, чтобы запах пороха отпугнул кабана.

Внутри закрытого котелка, что – то бултыхнулось и воображение сразу нарисовало картину. Ордена, медали и черная, граненая капсула медальона – «смертника».⁴ Ничего этого там естественно не было. Алюминиевая ложка и синяя пластмассовая мыльница со штампованной на крышке звездочкой. Вот и все, что нашлось.

⁴ «Смертник» – до 1942 года записка с данными бойца.

Но ложке я обрадовался. Не потому конечно, что у меня своей нет. Просто на ней оказались выцарапаны инициалы бойца. А это уже шанс установить личность солдата. Маленький, но шанс. В таком приподнятом настроении я завалился спать.

Пробуждение было ранним и недобрим. В привычные звуки леса, вкрался какой – то непонятный приближающийся звук. Он был почти неразличим среди шума ветра и качающихся деревьев. Он, то затихал, то появлялся, но настойчиво доносился с севера. Еще минута и в этом звуке явственно расслышалось тарахтенье двигателя. Я резко сел, рывком расстегнул спальный мешок и, схватив навигатор, стал вертеть его, стараясь определить, откуда сюда может приехать транспорт.

Так и есть! Старая заболоченная дорога в полукилометре к северу от меня. Ее и дорогой – то назвать нельзя. Местами она переходит в топь, а местами заросла кустарником. По такой дороге даже на тракторе не проедешь. Только на квадроцикле, да и то если очень хорошо знаешь местность. А местность здесь хорошо знают, либо местные охотники – браконьеры, либо егерь. Браконьерам шум ни к чему. Значит только егерь.

Звук тем временем стих. Я выкатился из палатки с биноклем наизготовку, присел за своей живой изгородью, стараясь расслышать или разглядеть движение среди деревьев. Вот заколыхались кусты на дальнем конце вырубки, а между

ними замелькала человеческая фигура. Она, то пропадала, то появлялась и наконец, в окулярах крупно выплыло потное одутловатое мужское лицо лет пятидесяти в выцветшей, камуфляжной кепке, на которой виднелась, криво посаженная кокарда егеря – лосиная башка над перекрещенными ружьями. Лицо мелькнуло на минуту и пропало.

Я покрутил окуляр бинокля и опять увидел его. Среднего роста коренастый в затертом армейском камуфляже и резиновых сапогах. За спиной одностволка. Он остановился возле моего вчерашнего раскопа с бойцом и с любопытством заглянул туда. Потом резко отшатнулся и, передвинув ружье на живот, пошел по моим следам прямо к лагерю.

– Этого еще черт принес! – выругался я, засовывая карабин с металлоискателем, под спальный мешок и прикрывая все курткой.

Леску с консервными банками я отвязал и, раздвинув ветви живой изгороди, уселся на поролоновый коврик перед палаткой с фотоаппаратом на коленях.

В таком виде меня застал егерь. Он увидел палатку издалека, попытавшись зайти с тыла, чтобы заглянуть туда, но ветви живой изгороди пресекли этот маневр, и ему пришлось швартоваться с парадного причала.

– Здравствуйте! – чинно окинул я его блаженным взглядом профессора Паганеля.

– Здравствуйте! – несколько засмутился он. Видимо не привык общаться на «вы».

– Вы не могли – бы немного отойти в сторону, – вскинул я фотоаппарат, – сейчас должно показаться чудное семейство ласок из своей норки! Осторожно! Не раздавите их!

Егерь начал пятиться, поднимая по очереди то один сапог, то другой и оглядывать их как будто вляпался в дерьмо. Но тут его взгляд упал на мою лопату у дерева и он все понял.

– Ну, ты! Хватит дурачком прикидываться! По войне копаешь?! Черный копатель значит?!

Он попытался отодвинуть меня и заглянуть в палатку.

– А ну показывай что в рюкзаке. Сейчас изымать будем!

Запах его перегара ударил в лицо.

По всему было видно, что с копателями он общался часто, но должного отпора еще не получал.

– Послушайте уважаемый! – лениво поднялся я с коврика, – вы вообще кто такой? Где ваши документы?!

Я демонстративно перекинул лопату с руки на руку и закрыл собой вход в палатку. Острое лезвие «фискаря»⁵ блистало на солнце.

Мы оба прекрасно знали, что никаких прав досматривать меня егерь не имеет. Но он еще пытался играть в эту игру, надеясь хоть что-то урвать.

– Почему костры в лесу разводите? Сейчас запрещено! – хрипло выдохнул он.

Его мутные похмельные глаза силились отыскать на моем

⁵ «Фискарь» – сокращение от названия производителя лопат фирмы «Фискарс».

лице признаки страха. Мне стало откровенно скучно. Пора было с этим заканчивать.

Я с хрустом вонзил лопату в землю у его ног и зевнул.

– Да пошел ты. Пока документы свои не покажешь, вообще с тобой разговаривать не буду.

Кажется, он понял, что все его ужимки бесполезны.

– Не хочешь по-хорошему ладно!

Резким движением он передвинул ружье за спину и, развернувшись, зашагал к просеке.

– Давай беги, стучи ментам! – насмешливо бросил я ему вслед и тут – же пожалел об этом.

Егерь зло оглянулся и зашагал еще быстрее.

Теперь времени у меня оставалось часа два. Пока он на своей тарактелке доедет до деревни пока найдет участкового да пока они вдвоем вернутся, я успею уйти.

Лихорадочно сматывая палатку и рассовывая в рюкзак свое имущество, я уже прикидывал, как быстрее оторваться от преследователей, но тут вспомнил про откопанного бойца. Что – же, придется делать временку.

Засыпав раскоп и соорудив над ним крест из березовых веток, я положил на холмик ржавую каску бойца. Затем взвалил на себя рюкзак и двинулся в сторону деревни. Идти решил по той же заброшенной дороге, что приехал егерь. Раз уж он проехал то и я пройду. Услышу, если он назад будет возвращаться. Однако навстречу мне никто не попался. К вечеру я был в деревне.

Как и следовало ожидать, возле покосившейся избы сторожа моего джипа стоял заляпанный грязью милицейский УАЗик, а на скамейке у забора восседал местный участковый – невысокий пожилой майор с морщинистым лицом и грустными глазами собаки – водолаза. Пока я окруженный гавкающей сворой дворняг приближался к дому он, демонстративно закурив сигарету, пускал дым кольцами. За заборами вдоль улицы то и дело мелькали любопытные лица местных.

– Как говорится на деревне ни скрыться, ни спрятаться! – ухмыльнулся я, протягивая руку участковому.

– Не уйти от придиричивых глаз! – неожиданно весело подмигнул он мне, вставая с лавочки и пожимая протянутую руку.

– По какому делу к нам прибыли?

– Хотел порыбачить, да клева нет.

– Оружие, запрещенные предметы при себе имеете?

– Оружие имею, а запрещенных предметов нет, – тяжело опустился я на скамью, сваливая рядом свою поклажу.

Участковый заметно оживился и хотел задать следующий вопрос, но я, молча, достал разрешение на оружие и, выдернув карабин из чехла, сунул ему под нос.

– Не волнуйтесь товарищ майор, не заряжен. Магазин ношу отдельно.

Глаза его опять приняли сонное выражение и остановились на моем рюкзаке.

– А вот это дудки! – раздраженно сказал я, – только под

протокол с понятыми!

Протоколы составлять он не любил. Вся его фигура выражала желание, не напрягаясь доработать до пенсии. Однако это желание боролось с желанием получить звездочку на погоны. Он уже совсем было решился составить протокол дозора, но я быстро разрешил его сомнения.

– Может по стакану? У меня с собой есть, – пнул я рюкзак, в котором звякнула бутылка водки. – А дед нам свою хату предоставит.

– Предоставишь дед? – спросил я у закрытых ворот.

Калитка в воротах, утвердительно скрипнув, открылась и в проеме обозначилась качающаяся личность в брезентовом плаще.

– Если нальете, нет проблем!

Через час, захмелевший Василич, так звали участкового, уже по – свойски хлопал меня по плечу, закусывая моей тушенкой.

– Да не переживай ты, москвич. Ничего тебе этот придурок – егерь не сделает. Вот он у меня где, со своими платными охотами!

Василич, грохнув кулаком по столу, показал, где у него этот егерь. Потом он принялся рассказывать о том, как егерь водит приезжих охотников без путевок на кабана и медведя, получая за это огромные деньги.

– Хоть бы раз, падла, мясом угостил! Ну да ладно, попадется он мне!

Глаза его сверкнули недобрым огнем.

– Ты только смотри, из леса стволы да взрывчатку не тащи! У меня здесь своих малолетних идиотов хватает.

Далее он поведал о местной молодежи, которая возит из окрестных лесов весь железный военный хлам и сдает его в райцентре в чермет.

– Бывает, подрываются, когда снаряды раскручивают. А мне такие ЧП ни к чему. Мне до пенсии два года осталось.

Он грустно посмотрел на пустую бутылку и тяжело поднялся из-за стола.

– Все, поехал. Ночевать у деда оставайся. Он не откажет. Поздно уже, да и выпил ты.

Когда за окном затих шум двигателя УАЗика, я спросил у деда:

– А что, у вас тут молодежи заняться нечем, кроме как железки из леса таскать?

– Чем – же тут займешься родимый? – пробурчал дед, – колхоз развалился, ферму и МТС закрыли, коров порезали. До райцентра почти сто километров. Вот и тянут, кто что может, пьют да морды, бьют друг другу. Я то, что у меня пенсия, а молодым кто не уехал, откуда деньги брать?

Он вздохнул и бросил на лавку старый залатанный матрас.

– На-ка вот постели себе.

Я лежал на узкой лавке с открытыми глазами, заложив руки за голову. Луна, пробиваясь своим светом сквозь немытое оконце, тарасилась из-за туч. В голову лезли всякие мысли

возвращавшие к городской жизни.

Завтра домой. А что дома? Работа, да пустая квартира одинокого сорокалетнего мужика.

Потом пришел тяжелый сон, больше похожий на бред. Я стою в глубоком раскопе, с черными человеческими костями и черепом. Пытаюсь засыпать их, кидаю землю лопатой, но раскоп обваливается на меня и тяжелый пласт земли давит на грудь. Ужас охватывает все существо до дрожи. Но тут приходит осознание того что это сон и от радости я просыпаюсь весь в поту.

На моей груди сидит черный кот, с наглой круглой мордой перебирая лапами, мурлычет и внимательно смотрит мне в глаза.

– Тьфу, черт будь ты неладен!

Сбрасываю его с себя дрожащими руками. Кот обиженно фыркает и вьется под ногами деда, который возится с дровами у печки.

– Правильно Черныш буди его, – ухмыляется он.

Наскоро умывшись и попив чаю, прощаюсь с дедом, завожу свою колымагу «Гранд Чероки» 90 года и трогаюсь по разбитой проселочной дороге.

Ну, вот и все. Теперь домой.

Глава 2. Один в городе

Пулемет бронетранспортера беззвучно выплевывает огонь. Одноэтажный кирпичный дом объят пламенем. Фигуры в бронежилетах и шлемах, прячась за разрушенным каменным забором, стреляют, а затем кидают гранаты в оконные проемы. На земле растерзанное взрывом тело, рядом обугленный автомат.

– Па, ну что ты смотришь?! Надоели эти новости, да еще без звука!

Дочь выдергивает из-под моей руки телевизионный пульт, переключает канал.

Теперь на экране скачут какие-то мультяшные персонажи непохожие на людей.

– Ты когда приехал? – доносится из кухни ее голос сквозь шум воды и бряканье посуды.

– Вчера, – говорю я себе под нос и снова переключаю на канал новостей.

– Что? – заглядывает она в комнату, вытирая мокрые руки о передник.

– Вчера, – опять бубню я, прибавив громкость телевизора.

В комнату врывается напористый голос корреспондента, стоящего на фоне пылающего дома и вооруженных спецназовцев.

– Группа боевиков была блокирована в жилом доме на

окраине дагестанского села. Сдаться они отказались, и в ходе боя были уничтожены!

Я выключаю звук и корреспондент, продолжая открывать рот, становится похожим на беззвучно квакающую лягушку.

– Ну, все, я в институт, – дочь уже на пороге с сумкой на плече, – посуду помыла, продукты из твоего рюкзака в холодильнике. Да, мама просила тебя ей перезвонить. Что-то насчет раздела квартиры.

Она чмокает меня в ухо и убегает, оставив после себя легкий аромат духов.

Медленно плетусь в ванную и, пересиливая боль во всех мышцах, плюхаюсь в горячую воду с шампунем. Запотевшая только что из холодильника бутылка пива наполняет меня ледяной живительной влагой. Боль постепенно отпускает. Так всегда бывает после выездов в лес и физических нагрузок. В сотый раз обещаю себе начать бегать по утрам и снова погружаюсь в пену.

Резкое дребезжание мобильного лежащего на краю раковины выводит меня из нирваны. Телефон дергается в припадках вибровывоза, пока я не накрываю его ладонью.

В трубке знакомый до тошноты голос бывшей жены:

– Алексей наконец-то дозвонилась до тебя! Нам надо что-то решать с квартирой! Володя сказал, что ему надоело ждать! Либо ты платишь нам половину ее стоимости либо будем судиться и делить!

– Алексей ну что – ты молчишь?! Давай сегодня встре-

тимся в обед у моей работы, все обсудим!

– Хорошо, – вяло ворчу в ответ, – только приходи без своего бойфренда, а то я ему другое лицо сделаю.

Мобильник, продолжая что-то верещать, отправляется в раковину, а я устало выползаю из ванной. В темной прихожей натыкаюсь на мешок с железом из леса, бьюсь об него ногой и вспоминаю, что все это надо чистить и отмачивать.

Мысли о жене неприятными тараканьими лапками больно щекочут под сердцем. Нарисовалась, здравствуйте! Год прошел, как ушла от меня к молодому сослуживцу.

– Любовь! – говорит, – ничего не поделаешь.

Да черт – бы с ней. Хотя месяца два я мучился. Даже спать не мог. Не от любви, конечно. После пятнадцати лет брака об этом речи нет. От обиды понятное дело. Потом вроде переболело. И тут на тебе, квартиру ей подавай!

Я вывалился с толпой народа из метро напрямиком на Чистопрудный бульвар. До встречи с моей бывшей благоверной оставалось еще минут двадцать, так что можно успеть перекусить в кафешке возле прудов. Сидя за столиком, наблюдаю, как вокруг снуют всякие накрахмаленные офисные работники и работницы, выбежавшие на обед из своих клетушек сотовых салонов связи, карманных банков и прочих бутиков. Их потные тела стараются укрыться в тени навесов кафе от палящего солнца, которое усиленно плавит асфальт под ногами.

Возле метро у ларьков на самом солнцепеке, чинно рас-

положилась живописная группа бомжей, поедающих остатки шаурмы, извлеченной ими тут – же из мусорных баков. Таджик в грязном, когда-то белом фартуке, и неопределенного цвета куртке, вяло пытается отогнать их от своей шаурмятни, чтобы те не отпугивали его клиентов.

– Вай! Слющий, иди отсюда пожялюста, а! Завтра приходите!

Но бомжей так просто не отгонишь. Из кучи тряпья, отделившись от группы этих особей, восстает отекавшее существо видимо женского пола в рваной майке, цвета а-ля пчелка Майя. Существо потрясает в сторону таджика куском шаурмы, из которой разлетаются в разные стороны зеленые мухи, куски капусты и соуса.

– Пошел в жопу, чурка нерусская! Понаехали тут на Русь – Матушку, инородцы поганые!

Национальные чувства таджика видимо, сильно задеты этой патриотичной отповедью. Поэтому он моментально преобразается в грозного сарбаз⁶ и с воплем: «Я твою маму топтать!!!», выскакивает из ларька, размахивая длинным ножом. В другой руке он победоносно сжимает деревянную лопатку.

Однако атака таджика оказалась остановлена в самом зародыше. Пустая пивная бутылка, с хлопком разбилась о его голову, окатив все вокруг россыпью осколков. Восточный кулинар уронил свои инструменты и, обливаясь кровью,

⁶ «Сарбаз» – восточный воин.

уполз в ларек, причитая, и обещая привести двести земляков.

Бомжи удивленно озираются в сторону метро, в толпу, откуда прилетела бутылка. Затем сообразив, что земляки таджика сейчас будут тут, моментально испаряются, оставив после себя, только лужу на асфальте.

– Давно ждешь? – оторвал меня голос жены от созерцания межнационального конфликта.

Она стояла, у столика слегка улыбаясь. Короткая серая юбка обтягивала упругую задницу тридцатипятилетней женщины. Две верхние пуговицы на блузке расстегнуты так, чтобы было видно ложбинку между вызывающе торчащими грудями. Пиджак небрежно переброшен через руку.

– Да нет, не очень, – кивнул я на стул, – кофе хочешь?

Она присела за столик, картинно положив ногу на ногу, откинула со лба непослушную вьющуюся челку.

Я смотрел в эти наглые зеленые глазищи на эти круглые коленки обтянутые черными чулками и... ничего не испытывал. На меня уже не действовали все эти ужимки и прыжки в виде оголения коленок и груди. Мне было просто наплевать на нее. Теперь это только досадное препятствие, возникшее на пути.

Наверное, она это почувствовала и замурлыкала, заглядывая мне в глаза:

– Давно тебя не видела, даже соскучилась.

Такой наглый подхалимаж взбесил окончательно, и я за-

орал на все кафе:

– Послушай чего тебе от меня надо?! Хочешь жить со своим бойфрендом?! Живи! Хочешь квартиру делить?! Будем делить! Только не лезь ко мне теперь со своей любовью! Ушла, так ушла!

Она вспыхнула, обиженно отодвинулась от меня и, опустив глаза, стала нервно мешать кофе в чашке, громко звякая ложечкой.

– Думала, по-хорошему договоримся. Все-таки не один год вместе прожили.

– А чего тут договариваться?! Денег у меня нет! Хотите квартиру через суд делить, флаг вам в руки!

Я нервно откинулся на стуле и поглядел на часы.

– У тебя все или будет продолжение?

Она шмыгнула носом. Потом опять. Потом еще. И вот первая слеза потекла по ее щеке.

Я расслабился и вышел в астрал, потому что знал, что сейчас происходит рядом. Концерт был в самом разгаре. Моя бывшая половина ревела белугой не забывая промокать платочком потеки туши и смотреться в зеркальце.

Параллельно она сквозь рыдания, но громким голосом поведала миру о том, как она меня любит и никогда любить не переставала.

Посетители кафе также узнали, что я был к ней невнимателен, мало зарабатывал и вообще цветов не дарил. А она бедняжка готовила, стирала, убирала, все ждала от ме-

ня любви. А я – гад этакий любви не проявлял, все время напивался с друзьями. Но она меня любит, готова простить все эти мои страшные недостатки, если я соглашусь принять ее обратно.

Я пялился на засиженный мухами потолок кафе, размышляя о том, какие женщины все-таки глупо-хитрые создания. Попав в дерьмо, всегда оттуда вылезут да еще других, стоящих рядом вымажут. На самом деле все ее уловки шиты белыми нитками и рассчитаны на воспитанников детского сада. Но женщине это не важно. В конце концов, она сама начинает верить в собственное вранье, за счет этого поднимая свою самооценку на приемлемый для нее уровень.

У каждой женщины есть своя версия щекотливых событий произошедших в жизни. Даже самая последняя вокзальная проститутка никогда не признается, что пошла по кривой дорожке исключительно из-за своей распущенности, лени и жадности до легких денег. Всегда найдется оправдание в виде тяжелого детства, изнасилования, урагана, цунами и т. п.

Поэтому я дождался окончания песни о великой любви и притворно участливо спросил:

– Тебя что, Володя бросил?

Ответом мне были утвердительные сотрясения плеч и новые рыдания.

– И значит, теперь ты хочешь вернуться на свою жилплощадь?! – простонал я, давясь от смеха.

Плач моментально прекратился. Она шмыгнула носом, вытерев последнюю крокодилью слезу, сказала совершенно спокойным будничным голосом:

– Попробуй только меня не пустить, я там прописана!

Я, молча, поднялся из-за столика и посмотрел на нее. Ее холодное лицо не выражало ничего кроме решимости и какой-то злобной радости.

К горлу подступило острое желание взять со стола стеклянную пепельницу и бить ее по голове до тех пор, пока она не разлетится на куски. Но желание было подавлено волевым усилием от греха подальше. Я вышел из кафе и направился в сторону метро.

Возле палаток с шаурмой наблюдалась оживленная толпа таджиков человек в двадцать. Они громко гомонили и размахивали руками, агрессивно зыряка по сторонам. Тут же стоял оператор с видеокамерой на плече, перед которым вихлялась длинная как жердь, блондинистая девица с микрофоном в руке. На микрофоне я успел заметить логотип какого-то местного телеканала.

Эпицентром этого шоу был давешний торговец шаурмой. Он гордо стоял с перевязанной головой, окруженный своими земляками и орал громче всех то, воздевая руки в сторону девицы то, хватаясь за голову.

Народ, выходящий из метро, устало обтекал эту группу, с любопытством косясь на девицу, которая совала свой микрофон под нос проходящим мимо людям.

– Как вы относитесь к избиению скинхедами наших гостей столицы?!

Кто-то испуганно шарахался от такого напора, кто-то пытался что-то отвечать, но девица, не дослушав до конца, уже мчалась к другой жертве.

Не успел я замедлить шаг, как перед лицом оказалась ее рука с микрофоном, и она озадачила меня тем же вопросом:

– Как вы относитесь к избиению скинхедами наших гостей столицы?!

Я раздраженно бросил:

– К избиению не отношусь! Гости эти не мои, а ваши, поэтому сопли сами им вытирайте!

Девица обиженно отдернула руку и, отвернувшись в сторону камеры, принялась что-то громко вещать. Тут же толпа унесла меня дальше в прохладное чрево метро к турникетам с эскалаторами.

Мысли о жене не давали покоя. Судя по ее решительному настрою, вернуться ко мне в квартиру она собирается всерьез. Все это меня абсолютно не устраивало, но как с ней бороться я не знал и прибывал в растерянности.

Из задумчивости вывело вибротрепыханье мобильного в кармане. Сквозь грохот вагона метро я с трудом расслышал знакомый радостный голос в трубке.

– Ну, наконец-то ты доступен! Как съездил? Хабар есть?

Я даже не пытался отвечать, потому что знал Витька по кличке «Папа-псих». Он все равно меня не дослушает и пе-

ребьет.

– Давай, подгребай сегодня вечером часам к семи в «Мутный глаз»! Все наши будут! – радостно приказал Витек и отключился.

– Вот ведь манера у человека, – подумал я, – прет как танк и в себе не сомневается.

Витька я знал уже лет пять, с тех пор как начал заниматься раскопками. Отличался он веселым немного буйным нравом, имел жену и не имел кисти правой руки, которую потерял, пытаясь раскрутить ручную гранату. Это, впрочем, не мешало ему управлять раздолбанным внедорожником и орудовать лопатой с помощью протеза. Всегда он куда-то торопился, имея в запасе пару историй о танках и самолетах, лежащих в болоте со времен войны, которые можно поднять и продать за бешеные деньги. Истории эти он рассказывал всем и каждому, но желающих заработать не находилось.

«Мутный глаз» являл собой обычную задрипанную кафешку на окраине Москвы. Как она на самом деле называлась, уже никто не помнил. Небольшой павильон, обшитый жестью, притулился на краю продуктового рынка. Несколько облезлых деревянных столов с лавками, да стойка бара с телевизором вот и все его убранство.

Ближе к вечеру помещение заполнялось рыночными торговашами, пропивавшими свой дневной барыш и гомонящими на разных языках. С недавних пор здесь обосновался Витек. Поначалу азербайджанцы с местного рынка были силь-

но недовольны, пытаясь даже изгнать нашу гопкомпанию из этого высококультурного заведения, посредством размахивания ножиками. Однако после демонстрации Витьком ручной гранаты без чеки и вида нескольких обрезов трехлинейки⁷, вынутых его соратниками из-за пазух, переговоры перешли в более или менее мирное русло. Теперь обе стороны придерживались нейтралитета, а Витек приобрел соответствующую кличку – «Папа-псих».

Все мои знакомые периодически собирались тут обсудить свои копательские дела, составить планы будущих выездов, а то и просто нажраться до поросячьего визга.

Здесь никого не интересовало, какое положение в обществе ты занимаешь и много ли у тебя денег. Люди, собиравшиеся здесь, были объединены одной страстью – археологией, раскопками, путешествиями. Дух авантюризма постоянно витал тут.

Вот один из гуру демонстрирует, троим новичкам только что купившим в складчину металлоискатель, свои находки – медные и серебряные монеты девятнадцатого века. Те смотрят, раскрыв рты, а в глазах разгорается огонек азарта. Им уже не терпится сейчас же, схватив приборы с лопатами, мчаться стремглав в поля и леса откапывать клад. Эти заболели раскопками «по старине».

Рядом, то и дело, стуча протезом руки по столу, Витек что-то с жаром доказывает сидящему напротив флегматич-

⁷ «Трехлинейка» – винтовка системы Мосина.

ного вида лысому толстяку в очках. Жена Витька – располневшая сорокалетняя хохотушка в американской оливковой военной куртке, поддакивает, пытаясь вмешаться в разговор.

Витек периодически цыкает на нее, успевая при этом прихлебывать пиво из кружки, хрустеть сухариками и хлопать толстяка по плечу.

– Да поймите вы Айно, для поездки в Карелию нашей группе нужна определенная денежная сумма на текущие расходы! Район поиска, о котором идет речь в поперечнике почти 10 километров! Представляете, сколько времени уйдет на поиск места, где был хутор и дом вашего дедушки?! А бензин, а продукты! Все это надо оплачивать сейчас, а не тогда, когда мы реализуем золотые червонцы вашего деда, если они вообще там есть!

Толстяк нервно ерзает на лавке, озираясь по сторонам.

– Пошалуста тише, я фам тоферять тайна семьи Кекконен! Теньги путут за-а-автра, не фолнуйтесь!

Увидев, что я приближаюсь к столику, толстяк поспешно вскакивает, и прощается с Витьком, тряся его за протез. Я посторонился, пропуская его тушу к выходу. Когда за ним закрылась дверь, Витек подмигнул мне:

– Видал, финскую жадину – говядину! Дедушка его в Карелии имел свой хутор до войны. Кулак короче был. А как наши их оттуда в 44-м выперли, так он со всем семейством сбежал в Финляндию, но чугунок с золотом припрятал на хуторе. Наверное, рассчитывал, что вернется, а может места

на телеге не хватило. Хутор во время боев сторел к чертовой матери, но точка приблизительно известна. Короче эта «редиска» предлагает нам двадцать процентов от всего, что в чугунке. Причем текущие расходы оплачивать не хотел. Еле уломал его!

Я придвинул лавку к столу и, усевшись, молча, принялся изучать захватанный лист картона с надписью «Меню».

– Ну чего ты молчишь?! – воскликнул Витек, стукнув протезом по столу.

– Я ему дело предлагаю, а он молчит. Ты с нами или как?!

– Сначала надо книгу прочитать.

Я поднял руку и повернулся в сторону стойки бара.

– Двести водки и шашлык.

Тетка за стойкой кивнула и скрылась в подсобке.

– Да погоди ты с водкой, – Витек отхлебнул пиво, нервно захрустев сухариками, – какую книгу надо прочитать?

– «Двенадцать стульев», вот какую, – усмехнулся я, – не находишь, что сюжет очень похож?

– А этот твой очкастый Айно, прямо вылитый Киса Воробьянинов!

Жена Витька прыснула от смеха, прикрыв рот рукой. Витек цыкнул на нее и завращал глазами.

– А я значит Остап Бендер?!

– Угу, – кивнул я, сосредоточенно наливая себе полную стопку водки, из запотевшего графина, только что поставленного на стол официанткой.

– Слушай, Алексей, ты прямо как маленький. Думаешь, что я бы повелся на байки этого финна, без проверки документов? Он вообще сам на меня вышел. Приехал в Москву по делам своей фирмы. Полазил в интернете на копательских сайтах, нашел информацию обо мне. Увидел, фото наших находок. Понял, что мы люди серьезные. Потом созвонился со мной, карту старую показал. А теперь еще денег на текущие расходы обещает. Стал бы он просто так тратиться?

Шашлык оказался сочным с поджаристыми прослойками стекавшего сала. Я макнул кусок мяса в кетчуп, подцепил пару золотистых колечек лука и с наслаждением отправил все это в рот следом за стопкой водки.

– А что же он своих финнов или местных карелов не приглашает? Им ближе чем нам ехать, и расходов меньше.

– Так в том то все и дело, – оживился Витек, – боится, что заложат его местные за долю малую. Золото ведь через границу не попрешь. А мы там никого не знаем, поэтому с нами риска меньше. В Москве он все это добро барыгам может толкнуть. Деньги на счет фирмы положит и привет. По крайней мере, он так объясняет.

– Ну, не знаю, – протянул я, – мутно все это.

– В голове у тебя от водки мутно, – огрызнулся Витек и махнул рукой в сторону бара.

– Еще двести водки!

Кафе постепенно наполнялось народом. За соседними столиками гомонили пузатые братья Алиевы – торговцы с

рынка в количестве четырех кучерявых, заросших щетиной, лиц. Что-то там у них не так было с выручкой, и старший брат недовольно бурчал на младших, перемежая русские и азербайджанские ругательства.

По телу прокатилась приятная истома, в районе желудка потеплело. Уже не так все плохо показалось мне в этом мире. Подумаешь, бывшая жена решила вернуться в мою квартиру. Подумаешь, на работе денег платят мало. Подумаешь, у дочери своя жизнь, а я ей не нужен.

Как говорил наш старшина в армии: «Все фигня по сравнению с мировой революцией!».

– Да все это фигня! – вдруг неожиданно для себя сказал я вслух.

– Что фигня? – озадаченно спросил Витек.

– Да ничего, – мотнул я головой и опрокинул в себя очередную порцию водки.

– В общем, подписываюсь я на этот твой кипеш с Карелией! Только сначала бойца из временки в Тверской области поднимем. Место там расчистить надо. Чую что не один он там.

– Вот это другое дело! – хлопнул меня по плечу Витек, – а за бойца не волнуйся, Игоря подпряжем. Пусть его пионеры разомнутся.

Игорь был нашим старым знакомым и командовал молодежным поисковым отрядом, куда входили одни школьники. Работал он в районной школе учителем труда и перебивал-

ся с хлеба на воду. Но это видимо его нисколько не заботило. На мелком востроносеньком личике постоянно присутствовало целеустремленное выражение, которое выдавало в нем человека полностью поглощенного какой-то идеей. При этом в глазах отражалась неуверенность «А правильно ли я все делаю?».

Я часто видел его, низкорослого в затрепанной куртке, вечно куда-то спешащего подпрыгивающей походкой. Под мышкой он таскал ободранную дерматиновую папку со сломанной молнией, из которой торчал ворох бумаг.

При встрече он обрушивал на меня кучу вопросов о том, как лучше составить заявления от родителей школьников о вступлении их чад в поисковый отряд или начинал увлеченно рассказывать про экспозицию школьного музея боевой славы, в котором не хватает экспонатов и надо бы туда еще пару касок.

В ответ на мои предложения о поездках на раскопки, только огорченно вздыхал, сетовал на отсутствие денег и разрешения руководства.

– Ты понимаешь, эти козлы из районной управы только раз в год на захоронение бойцов приедут перед камерой покрасоваться, и все!

Выезжали они на раскопки два раза в год весной и осенью на так называемые «вахты памяти». Все остальное время Игорь составлял отчеты о проделанной работе, готовил финансовую документацию отряда. Местная власть периодически

ски выделяла ему какие-то копейки, строго проверяя расходы.

Ежегодно к 9 Мая отряд посещали по очереди все районные чиновники. На фоне Игоря они давали интервью телевизионщикам том, как чтят память погибших советских солдат, и какую работу ведут по их захоронению. Игорь маячил где-то сзади в ожидании, когда журналисты снизойдут до него. Обычно он успевал сказать, два три слова о достижениях, но как только переходил к проблемам и недостатку средств, камера плавно отъезжала, и очередной чиновник крупным планом бил себя в грудь и клялся что «никто не забыт».

Вспомнив все это, я саркастически хмыкнул, но Витек меня успокоил.

– Это конечно неповоротливая машина, но 9 Мая ведь на носу. А им как раз отчитываться надо.

Кто-то прибавил громкость телевизора, на экране вдруг появилась девица со странно знакомым лицом и микрофоном в руке.

– Сегодня скинхедами был избит гражданин Таджикистана! Представитель скинхедов пояснил, что они не потерпят в Москве гостей города.

В кадре появилось мое изображение и сказало: «Гости эти не мои, а ваши! Поэтому сопли сами им вытирайте!».

Братья Алиевы моментально притихли и начали опасно озираться в мою сторону. Сквозь гул голосов я услышал смех

Витька.

– А что, вылитый скинхед в камуфляже, в берцах и бритый почти наголо! Алексей, ты часом не пресс-секретарем у бритоголовых подрабатываешь?

– Вот сука! – выругался я, – попадетса она мне, ноги из жопы выдерну!

Я попытался подняться из-за стола, а Витек весело заржал:

– Представитель скинхедов выразил угрозы в адрес СМИ! Потом он потянул меня за плечо.

– Ладно, тебе, переночуешь у нас дома, а то не дай бог менты докопаются. Пьяный да еще скинхед.

Внедорожник не спеша катил по ночным московским улицам, а я лежал на заднем сиденье, закрыв глаза. Витек о чем-то монотонно говорил с женой. Постепенно слова их смешались в сплошной гул. Отчетливо слышалась только старая песня копателей, тихо льющаяся и динамиков автомагнитолы:

- Это наша жизнь, это не игра,
- Вот весна пришла, нам в поход пора,
- Все заботы прочь, горе не беда,
- Кто копал, узнал, это навсегда...

Глава 3. Вахта

Игорь сосредоточено водит по карте курвиметром⁸, склонившись над столом, наспех сколоченным из осинового горбыля. Витек заглядывает ему через плечо и тень от его фигуры падает на стол, подсвеченный желтым огоньком фонарика висящего под натянутым пологом шатра.

Я сижу рядом в раскладном кресле, и устало вытянув босые ноги, наблюдаю, как ночные бабочки с мотыльками бессильно бьются о москитную сетку, пытаюсь прорваться из темноты майской ночи в шатер. Снаружи потрескивают угольки костра, над которыми на палках, воткнутых в землю, дымятся наши резиновые сапоги, носки и стельки. За ними угадываются очертания палаток, в которых сопят во сне сорок ноздрей школьников поискового отряда.

– Полтора километра, – поднимает голову Игорь, – если напрямик, через болото.

Я, молча, киваю. Говорить, уже нет сил, потому как сегодня выдался трудный денек, а завтра предстоит полтора километра шлепать по болоту до места расположения немецкой минометной батареи.

Школьники из отряда Игоря за день срезали почти весь кустарник и распилили гнилые пни на вырубке у холма, где полмесяца назад я нашел останки советского бойца. Мои по-

⁸ «Курвиметр» – прибор для измерения расстояний на карте.

дозрения подтвердились. Это было место боя и гибели пятнадцати солдат. Их мы обнаружили в этот день под корнями просто в неглубоком слое мха.

Разбив расчищенное место на квадраты, разметив их вешками, мы с Витьком обследовали землю металлоискателями, втыкая сломанные ветки ивняка там, где приборы подавали сигналы.

Игорь шел сзади со своими помощниками, которые копали по нашим указателям. Если попадались человеческие останки, несколько человек с садовыми совочками делали так называемый «археологический стол». Обкапывали со всех сторон кости, найденные с ними вещи, а затем фотографировали место раскопа и составляли схему расположения останков.

Витек периодически оглядываясь на них, с уважением в голосе бросал мне:

– Гляди, как у него процесс поставлен. Что ни говори, а двадцать человек это сила!

Но тут – же переходил на свой вечный саркастический тон.

– Эй, пионеры! Сюда не лезьте здесь для вас гансовский подарок!

Вырубив саперной лопаткой землю, он запускал руку под пласт дерна и делал притворно круглые глаза.

– Мина с утраца, как разминка для бойца!

Неразорвавшиеся минометные мины попались нам

несколько раз за день, и Игорь каждый раз напрягался, отгоняя своих подопечных от мест этих помеченных находок. Он так нервничал что мы с Витьком не выдержав, перетаскали все мины к ближайшему болоту и утопили их там, благо идти было недалеко.

В общем-то, перетаскивать стреляные, поставленные на боевой взвод минометные мины вредно для здоровья. В таких случаях полагается вызывать саперов и прекращать все работы до разминирования. Но на моей памяти никто никогда так не делал, потому что бесполезно было это. Все равно не придут.

Увидев, как хвостатые чушки мин плюхаются в болото, Игорь обозвал нас идиотами и прочел лекцию по технике безопасности для своего малолетнего воинства.

К вечеру кости и черепа найденных бойцов были разложены в целлофановые пронумерованные мешки. Мелкие вещи, найденные при каждом погибшем, тоже разложили по этим пакетам. Если удастся найти родственников, то они получат вещи своего деда или прадеда.

Теперь мы втроем сидим в шатре, строим планы на завтра и пытаемся прочитать записку, извлеченную из солдатского медальона. Всего этих медальонов было найдено три штуки. Один оказался пустым, во втором лежали иголки с нитками, а в третьем записка, на которой должны быть указаны данные бойца.

С трудом удалось раскрутить свернутую в трубочку, по-

желтевшую и вымокшую полоску бумаги. Полуразмытый текст, написанный химическим карандашом, едва читался, но отдельные буквы в фамилии и цифры даты рождения мы разобрали. Дальше предстояла работа в архиве, поэтому листок сфотографировали и положили сохнуть между двух стеклышек.

С ужином припозднились. Разогретая на костре тушенка в банках, хлеб да спирт в солдатской фляге вот и вся нехитрая еда. Витек разливал спирт по кружкам, чокнувшись, опорожнял свою, и поддев немецким отполированным до зеркального блеска штык-ножом кусок мяса, жадно вгрызался в него.

– Куда в тебя только лезет?! – удивленно с некоторой брезгливостью смотрел на него Игорь, – жрешь как свинья.

– Пошел ты! – беззлобно шамкал Витек с набитым ртом, – сначала в армии отслужи, салага. Так – же жрать станешь, когда тебе на обед две минуты дадут.

Я откинулся в кресле, не обращая внимания на перебранку, потому – что знал их сто лет. И хотя обоим было под сорок, Витек до сих пор при случае тыкал Игоря тем, что он не служил в армии. Тот в долгу не оставался и обзывал Витьку одноруким бандитом и сапером – неудачником.

Далее вне зависимости от дозы принятого алкоголя дискуссия шла по одному руслу. Витек имел претензии к официальным поисковым отрядам, которые де только вид делают, что работают.

– Через таких, как вы дурачков бабки отмывают! – бурчал он, – дадут пять копеек, а спишут рубль! Вы и рады стараться на побегушках у чиновников. Только показухой к 9 мая занимаетесь, а весь остальной сезон бумагу мараете!

– Ну конечно! – парировал Игорь, – нам же деньги взять неоткуда, мы не такие богатые как вы – «черные археологи»! Мы копаным железом на барахолке не торгуем!

Заканчивалось все обычно вечным риторическим вопросом «зачем нам это все надо»?

Этот вопрос задает себе каждый, кто хоть раз брал в руки металлоискатель с лопатой, и копал «по войне», как говорят у нас. Ответ у каждого свой. Причем с годами ответ меняется.

Для меня, например это стало просто образом жизни, который мне нравится. Всю зиму я живу в ожидании сезона. Всю зиму мне снятся сны о раскопках и путешествиях. Всю зиму я изучаю архивы и карты боевых действий, предвкушая весенние поездки, встречи с друзьями, новые находки. Это моя настоящая жизнь, которую я проживаю с наслаждением. Эта, а не та, городская блеклая, рыхлая как грязный серый снег у обочины дороги.

В той жизни я никто, даже если я занимаю положение в обществе и имею деньги. В той жизни меня ничто не трогает. Какие-то женщины, бессмысленно проходят через мою постель. Какие-то люди суетятся вокруг меня. Ничто меня не волнует по-настоящему в той зимней жизни.

Но вот наступает сезон, я надеваю свой прожженный камуфляж и привычные берцы⁹. Я на тропе войны. Я силен, хитер и многие опасности подстерегают меня в лесу. Я знаю, как справиться с ними, как не подорваться на mine или снаряде. Я знаю, как не заблудиться, уберечься от змей, диких животных и лихих людей. Я иду им навстречу с веселой злостью.

А вечером после удачного окончания дня, сидя у костра в одиночку или с друзьями, я с удовольствием осознаю, что сегодня я победил. Победил даже если не нашел никаких стоящих находок. Даже если не поднял ни одного павшего бойца.

Да, да не удивляйтесь. Это ощущение победы приходит уже от того например, что сегодня ты прошел по полям и лесам десять километров, перевернул горы земли. А теперь сидишь бодрячком у костра в лесных дебрях, держишь карабин на коленях, пьешь водку и сам черт тебе не брат. Чувствуешь себя этаким партизаном – героем.

Вы те, кто проводит свой отпуск на курортах в теплых странах, можете называть меня ненормальным «выживальщиком», тратящим свое время и деньги неизвестно на что. Но попробуйте сами сделать то, что я сделал за сегодняшний день, тогда посмотрим, на что вы годитесь.

Это все конечно лирика. Немаловажную роль в нашем вредном деле играют находки. Куда же без них. Материальный интерес присутствует всегда, как ни крути. Только вот

⁹ «Берцы» – ботинки с высокими голенищами.

интерес этот не всегда измеряется деньгами. Почти каждый копатель, как правило, еще страстный коллекционер какого – либо военного антиквариата.

Один собирает котелки всех стран – участниц второй мировой войны. Собирает скрупулезно, изучая каждое клеймо, пытаясь разобраться, что оно означает. Другой, например, собирает ложки или каски. В большинстве своем такие коллекционеры досконально знают предмет коллекционирования, и найденная крышка от котелка с неизвестной доселе маркировкой вызывает у них экстаз больший, чем предложение жениться на красавице – миллионерше. Они готовы обсуждать все нюансы новой находки до тех пор, пока не выяснят о ней все. Коллекции их, как правило, обширны и отлично систематизированы. Только вот интересны эти коллекции очень узкому кругу знатоков, отчего менее ценными они не становятся.

Иные готовы собирать все, что связано с войной. Это в основном начинающие копатели. Они тащат в дом любое имеющее отношение к войне железо и вскоре уже сами не помнят, откуда что взялось. При этом смело раскручивают неразорвавшиеся снаряды и прочие взрывоопасные предметы, чувствуя себя настоящими саперами, если конечно остаются в живых. Переболев этой «железной болезнью», не потеряв при этом ни рук, ни ног, ни головы, они начинают вникать мольбам родных и большую часть находок оказавшихся откровенным хламом, выбрасывают. После этого, у них воз-

никает желание остановиться на какой – либо одной теме. Главное здесь не уйти из реальности.

Есть еще откровенные барыги, которые копают только то и только там, где можно найти что-то ценное и продать это что-то, желательно подороже. Такие люди попадаются среди нас. Они не гнушаются золотыми коронками из зубов погибших, лишь бы их можно было выгодно сбыть. Они увольняются с работы и уезжают в деревню. Живут только раскопками, продажей копаного железа и ничем другим. Их можно узнать по лихорадочному блеску в глазах, согбенной спине и грязным, скрюченным пальцам рук, сжимающим лопату. Копают они в тех местах, где не ступала нога человека.

В общем, у всякого свой мотив, своя причина, докопаться до которой, даже для себя, сумеет не каждый.

Утро принесло тучи и мелкий морозящий дождь. Я с трудом продрал глаза и обнаружил себя полулежащим все в том же кресле. Под ногами стояла вода, натекая с полога шатра. Снаружи барабанил дождь, слышался гомон голосов, бряканье котелков, тянуло дымом. Знакомый едкий запах горящего тротила проникал в легкие. Применяли его для розжига сырых дров, наковыряв предварительно из ручных гранат в обилии найденных вчера на просеке. Горел он в любую погоду.

В шатер просунулась голова Игоря в насквозь промокшей кепке.

– Сегодня работы не будет, поливает с ночи.

Я, кряхтя, вылез из кресла, вытирая ногу об ногу, стал натягивать резиновые сапоги.

– Вот и сидите тут, а я на разведку сгоняю.

Такие дождливые дни в лесу я ненавижу. Но как назло они случаются тогда, когда меньше всего их ожидаешь. Ты готовишься к выезду, прокладываешь маршрут, учишь все детали. Особое внимание обращаешь на погоду, выбирая день выезда. Казалось бы, что учтено все. Ты приезжаешь на место, ставишь лагерь, достаешь металлоискатель, но тут небо затягивается тучами и начинается непрерывный ливень суток эдак на двое.

Работать с металлоискателем под дождем бессмысленно. Во-первых, от сырости сигналы его будут не точными, а во-вторых, недешевая катушка при постоянном использовании в сырую погоду выходит из строя.

Поначалу я не мог согласиться с природой. Напялив армейский резиновый плащ «ОЗК»¹⁰ и, обмотав металлоискатель целлофановыми пакетами, я упорно продирался сквозь кусты и овраги. Но находок не было, а копать ложные сигналы под ливнем удовольствие еще то.

Природа издевается над нами, а мы в ответ издеваемся над ней. Поэтому такие дождливые дни я наметил для разведки новых мест поиска.

Наскоро хлебнув остывшего кофе воняющего тротилом, я подхватил под мышку стальной щуп с лопатой и, забросив

¹⁰ «ОЗК» – общевойсковой защитный комплект.

свою «Сайгу» на плечо углубился в лес. Палатки нашего лагеря быстро скрылись из виду в пелене дождя. Теперь со всех сторон меня окружали только мокрые стволы осин и потоки воды, льющейся сверху.

Резиновый плащ сковывает движения, сапоги вязнут в размокшей жиже, а ремень карабина больно оттягивает плечо. Но это привычные ощущения, на которые скоро перестанешь обращать внимание. Определив направление по навигатору, заботливо убираю его за пазуху. Ощупываю запасные батарейки и компас. Все в порядке можно двигаться.

В кармане плаща голосом Витька пищит рация:

– Тритон, ответь земляной жабе, как слышишь?

Судя по голосу, он уже навеселе и придумал нам всем позывные. Советую земляной жабе заткнуться и не сажать батарейки у рации.

Постепенно жижа под ногами сменяется редкими кочками мха, окаймляющими болото, а осины сменяются соснами. Выбравшись на заросшую лесную дорогу, облегченно вздыхаю. Под ногами пружинит мох, дождь падает за шиворот гораздо реже, стекая по сосновым лапам. От земли поднимается пар, в воздухе появляются первые комары.

Вот у дороги старая оплывшая воронка, из которой торчат остовы немецких железных бочек. На крышке одной из них читается выбитая надпись «kraftstoff 1941». Рядом валяются два передних крыла от автомобиля неизвестной марки. Значит я на верном пути к немецкой минометной батарее,

прикрывавшей опорный пункт который штурмовали бойцы, найденные на просеке.

Все чаще попадаются свежеспиленные сосновые пни и обрезанные ветви, сваленные в огромные кучи. Следы гусениц ведут на длинную вырубку, в конце которой виден лесовоз. Слышен треск бензопил и рев тракторного дизеля.

Обхожу вырубку стороной, пометив эту точку на карте навигатора. Если лесорубы вывозят лес машинами, значит, недалеко есть просека, по которой можно будет выйти на проселочную дорогу.

Извиваясь среди бурелома, тропинка выводит меня к небольшой лесной полянке. Это моя точка назначения. Несколько кирпичных фундаментов виднеются среди травы. Кое-где, возвышаясь над грудями битого кирпича, торчат куски стен старой кладки бывшего лесничества, помеченного на карте как «домик лесника». В 1942 году здесь стояла немецкая минометная батарея. Больше об этом месте ничего не известно. Что тут происходило мне и предстояло выяснить посредством лопаты.

Остатки траншей и минометных позиций, заросшие борщевиком хорошо просматриваются между строениями. Наудачу пробиваю шупом несколько ям, но характерного стука о дерево пола или накат блиндажа не чувствую. Это значит, что все эти блиндажи уже копали, сняли накаты и вскрыли деревянные полы. Обломки сковородок и чугунков на поверхности подтверждают мои предположения.

Некоторое время я бродил под дождем между развалин, безрезультатно тыкая щупом, пока не увидел хорошо протоптанную тропинку, ведущую вглубь леса. Пройдя по ней, я неожиданно уперся в деревянную изгородь и столкнулся нос к носу с лошадиной мордой, которая грустно смотрела на меня, шлепая черными бархатными губами. Лошадь стояла рядом с телегой под навесом возле бревенчатой, покосившейся избы притулившейся среди сосен.

– Что, сынок, заблудился? – раздался сзади скрипучий голос.

От неожиданности я выронил щуп и резко обернулся с лопатой наизготовку. Передо мной стояла сгорбленная маленькая старушка в длинном плаще и резиновых сапогах. Морщинистое лицо ее почти полностью скрывал капюшон, по которому стекали капли воды. Одной рукой она с трудом тащила мешок, набитый свежескошенным клевером, а другой опиралась на косу, уперев ее рукояткой в землю. Лезвие мокро лоснилось остро отточенной сталью с налипшими на нее травинками.

Не обращая внимания на мой испуг, она смахнула воду с лица цепкой мозолистой лапкой и кивнула на мешок.

– Помоги бабушке.

Я закинул мешок на плечо, подхватив лопату со щупом, зашагал следом.

– Вы, здесь живете?

– Летом живу милоч, а зимой в деревне проживаю у сына.

Деревня – то рядом. Раньше тут лесничество было. Отец мой лесником был вот мы все здесь и жили.

Все это она выпалила одним духом. Видно нечасто сюда заходили люди, и поговорить ей было не с кем.

– Ты сам-то кто таков будешь? – хитро посмотрела она на меня, – копальщик что ли?

И не дав мне рта открыть, недовольно добавила:

– Вижу что копальщик с лопаткой вон да с ружьем. Все тут перекопали. Ходють и ходють. Ям понароют намусорят только. В прошлом году тоже приходили. Все выспрашивали, где тут, что было в войну да в старину. Пустила их в избу, а они паскудники икону дедову сперли!

Видя, что разговор принимает неприятный оборот, я рассказал ей о поднятых нами вчера бойцах, о том, что здесь возможно лежат непогребенные солдаты которых надо опознать и похоронить.

Старушка, молча, слушала, поджав губы, потом взяла у меня мешок с клевером и принялась вытряхивать его в сени. Тут же стояли три деревянных клетки с жирными кроликами, которые учуяв запах клевера, начали метаться и пищать. Я переминался с ноги на ногу, не зная, что ей сказать еще.

Закончив с мешком, сунув по охапке травы своим ушастым питомцам, она обернулась и все тем же недовольным тоном сказала:

– Ну, заходи что стал? Не под дождем – же мокнуть.

Я не стал себя упрашивать, быстро скинул сапоги, плащ и всю остальную амуницию.

– Посижу у бабки, пока не выгонит, – подумал я, – хоть дождь пережду.

Шлепая мокрыми босыми ногами по крашенному полу, я прошел в переднюю. В избе было сумрачно. Электричеством здесь, похоже, не пахнет. Керосиновая лампа на столе говорила сама за себя. От русской печки исходило приятное тепло. Я в нерешительности присел на лавку. Старушка, чиркнув спичкой, запалила фитиль керосинки на столе.

– Сымай штаны с курткой. На печку клади все подсохнут. Сейчас чай пить будем.

За чаем она принялась меня расспрашивать, о том, как мы устанавливаем личности бойцов да где хоронят их останки. Я удивился такому интересу к этой теме со стороны непросвещенной бабки, но виду не подал и все ей подробно рассказал.

Меня так и подмывало спросить у нее о боях в этих местах, но я боялся торопить события. Сидя за деревянным столом в одних трусах и майке, я прихлебывал обжигающий чай из жестяной кружки и хрустел баранками, лежащими горкой в вазочке синего стекла.

– Сама расскажет, если захочет, – размышлял я, – не надо с вопросами лезть. А то не дай бог разозлится, вспомнит про плохих «копальщиков» которые икону сперли да выгонит меня. На вид ей лет 70 значит, то время должна помнить.

– Говоришь, родственников погибших находите? – продолжала выпрашивать старуха, – а не врешь?

– Да ну бабушка что вы, ей-богу! – возмутился я, – говорю же вам, если личность бойца установить, то родственников найти можно.

– Лишь бы медальон на бойце был заполненный!

– Ты не егози! – перебила меня старуха, – я может, по делу спрашиваю. А будешь меня перебивать, вообще тебе ничего не скажу. Хотя не по – божески это, когда родные не знают, где их сын похоронен.

– А вы знаете? – усмехнулся я.

Она вздохнула, поднялась из-за стола, вытирая руки о передник.

– Ну, пойдем, покажу.

Я поперхнулся баранкой и уставился на нее.

– Куда?

– Тут рядом. Штаны можешь не надевать.

Я накинул мокрый плащ, впрыгнул в сапоги и вышел вслед за старухой во двор. Дождь прекратился, кругом стояли лужи, а лошадь под навесом фыркала и отгоняла хвостом первых последождевых слепней, обдавая все вокруг себя водяной пылью.

Мы обогнули сарай и остановились у небольшого холмика.

– Вот здесь пятеро, – кивнула он.

– Что же вы даже креста не поставили? – спросил я с уко-

ром.

– А то и не поставили, чтобы всякие..., – она покосилась на меня, – в общем, чтобы могилу не разорили. Когда война началась, мне было десять лет, а сестре двенадцать. Отец наш Евсей Петрович был лесником в этом лесничестве. Видел развалины на поляне? Так вот, это и было лесничество. А до революции здесь барский охотничий дом был. Немцы пришли зимой и нас с отцом в эту избу выгнали. А у каменных домов пушки поставили да вокруг окопов нарыли.

– Минометы, наверное? – робко уточнил я.

– Не знаю минок, может и мимометы, не разбираюсь я в них, – продолжала она. – Только бабахали они тут почти неделю. Потом наши в одну ночь на них из леса не напали, да убили почти всех.

– Вы – то, что видели? – ловил я каждое ее слово.

– А ничего не видела. Ночью шум да треск начался. Утром смотрим в окошко – возле пушек уже красноармейцы в полушубках ходят, да немецкие мертвяки, закоченевшие, из сугробов торчат. Мы с сестрой на них верхом даже с горки покататься успели. На следующий день немцы все лесничество разбомбили, а кто живой остался с собой увели. Отца нашего тоже увели и в городе расстреляли. Сказали, что партизаном он был. наших на лесничество вывел и дорогу показал, как к немцам подобраться.

– А вы как – же? – спросил я.

– Как бомбить начали, отец нас в лес отправил. Мы там

двое суток прятались, а потом сюда пришли. Смотрим, изба наша уцелела только стекла выбиты, воронки вокруг да наши солдаты убитые лежат. Ну, мы тех, кто возле избы был, в воронку оттащили, и снегом с землей закидали. Страшно нам было рядом с покойниками в избе ночевать. Пятеро их там. Четверо бойцов и командир. Сумка на нем полевая кожаная была, а в ней банка тушенки, краюха хлеба, документы какие-то и пистолет. Хлеб с тушенкой мы съели, а сумку на чердаке в опилки зарыли.

Она всхлипнула и, вытерев глаза краем платка, продолжала:

– Потом тетка к нам из деревни со своими детьми пришла. Немец-то деревню спалил. Жить им негде стало. Так до весны протянули. Ну а весной немцев выгнали, и мы с теткой тут жить остались.

– А, где теперь эта сумка? – дрожащим голосом спросил я.

– В избе, где же ей быть.

– А можно..., – начал я, но она меня перебила:

– Можно. Для того и спрашивала тебя про то, как родственников найти. Может в сумке, документы какие, на это укажут.

Мы, молча, вернулись в дом. Я под впечатлением от услышанного сидел за столом, уставившись на пожелтевшую потрескавшуюся фотокарточку в рамке, висевшую на стене. С нее на меня спокойно чуть прищурившись, смотрел уса́тый худощавый мужчина лет тридцати в застегнутой наглухо ко-

соворотке. С двух сторон прижавшись к нему, две девочки подростка с одинаковыми бантиками в волосах удивленно таращились в объектив.

Старуха чем-то гремела в чулане. Перед глазами проносились образы из ее рассказа. Сколько раз я читал воспоминания и мемуары, но ни одна книга не передаст того ощущения реальности произошедшего которую передает рассказ очевидца, видевшего и испытывавшего все это.

Мне показалось, что я воочию вижу командира батальона склонившегося над картой в желтом свете коптящей снарядной гильзы. Он решает непосильную задачу – как захватить проклятый опорный пункт своими поредевшими ротами. У немцев отлично работает связь достаточно боеприпасов, их прикрывает минометная батарея, откуда – то со стороны лесничества. У нас же нет ни артиллерии, ни авиации. Нет никакой поддержки, кроме трубки полевого телефона из которой доносится крик командира полка: «Взять высоту!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.